

Сергей Викторович Кононов,

соискатель,

Забайкальский государственный университет

(672039, Россия, г. Чита, ул. Александрo-Заводская, 30),

e-mail: kononov7744@yandex.ru

Мифотворчество как семиотический элемент дискурса о Китае в Забайкальском крае: теоретические аспекты

В статье предпринята попытка теоретического обоснования положений об особенностях формирования и структуре мифологического дискурса о Китае в зоне российско-китайского трансграничья. Автор анализирует мифологическое пространство Забайкальского края, входящего в зону трансграничья, который представляет собой территорию, где разворачиваются процессы культурного и идейного взаимодействия между народами, обладающими разным менталитетом. Основанием для распространения значительного количества мифологических образов Китая на территории Забайкальского края, по мнению автора статьи, является принадлежность к России с её ориентацией на культуру и язык Европы и близость к Китаю, экономическое и культурное влияние которого в Центральной Азии является преобладающим. Как доказывает автор, это приводит население Забайкалья не только к ряду культурных заимствований, но и является фактором формирования особого мифологического пространства, отличающегося от общероссийского наличием вербализованного, эмоционально и ценностно-окрашенного мифотворчества, связанного с Китаем. По мнению автора, другим фактором мифологизации представлений о Китае на территории трансграничья является стремление «некитайского» населения, находящегося в контакте с китайцами, осмыслить свою идентичность, понимаемую как «Своя», и утвердить отличие от соседей, понимаемых как «Чужие». Третьей причиной является то, что Китай обладает специфической культурой, придающей особый мифологический характер явлениям, которые своим происхождением обязаны Китаю. Многообразие и своеобразие китайской культуры является одним из факторов, влияющих на то, что мифологические образы Китая широко распространены на территории Забайкальского края. В рамках представленного подхода «Китай» является мыслительным конструктом, который описывает ментальную единицу, не являющуюся китайским государством, но обладающую чертами, которые ассоциируются населением Забайкалья с Китаем.

Ключевые слова: мифотворчество, дискурс о Китае, российско-китайское трансграничье, Забайкальский край, мифологические образы, мифы о Китае, некитайское население

Sergey V. Kononov,

Doctoral Candidate,

Transbaikal State University

(30 Aleksandro-Zavodskaya st., Chita, 672039, Russia),

e-mail: kononov7744@yandex.ru

Mythmaking as a Semiotic Element of Discourse about China in Transbaikal Region: Theoretical Aspects

In the article the author has attempted to study theoretical positions concerning the formation features and structure of the mythological discourse about China in the Russian-Chinese transboundary area. The author analyzes the mythological space of Transbaikal region included in the transboundary area, which is an area where the processes of cultural and ideological interaction between peoples having different mentality are developed. The reason for the spread of a significant number of mythological images of China on the territory of Transbaikal region, according to the author, is belonging to Russia with its focus on the culture and language of Europe and close location to China, economic and cultural influence of which in the Central Asia is predominant. As the author proves, this leads the population of Transbaikalia not only to a number of cultural borrowings, but is also a formation factor of a special mythological space differing from the all-Russian one by the presence of verbalized, emotional and value-coloured mythmaking related with China. According to the author, another factor of mythologizing perceptions about China in the transboundary area is aspiration of "non-Chinese" people who are in contact with the Chinese, to understand their identity, understood as an "Own" and approve distinction from the neighbors, understood as "Strangers". The third reason is that China has a specific culture,

imparting a particular mythological character to phenomena, which owe their origin to China. The variety and originality of Chinese culture is one of the factors that affect the consideration that the mythological images of China are widely spread through the territory of Transbaikalia region. As a part of the proposed approach, "China" is the thinking construct that describes the mental unit, which is not the Chinese government but has features that are associated by the population of Transbaikalia with China.

Keywords: myth-making, discourse about China, Russian-Chinese transboundedness, Transbaikalia region, mythological images, myths about China, "non-Chinese" population

Интерес к Китаю актуален в Забайкалье, с которым эта территория находится в непосредственном контакте и формирует обширную трансграничную зону, одной из характерных черт которой является влияние китайской культуры [7, с. 52]. Китайская цивилизация с древности оказывает существенное политическое, хозяйственное и культурное воздействие на Забайкалье. Контактными зонами, в рамках которых осуществляется межкультурное взаимодействие, являются северные области Китая и южные области Забайкалья, которые исторически заселялись центральноазиатскими кочевниками. Сейчас эти пространства занимает такой регион России, как Забайкальский край. По мнению исследователя трансграничья Н. И. Атанова, трансграничные территории объединяет не только общность государственных границ и территорий, но и многовековые хозяйственные и культурные связи [3, с. 258]. Важно отметить, что, несмотря на существенную разницу между культурой и менталитетом народов Забайкалья и китайцами, процессы обмена культурными ценностями, жизненными идеалами, традициями, но самое главное – информацией, здесь проходят очень интенсивно. Таким образом, представления, распространённые в сознании населения в российско-китайском трансграничье, являются важным инструментом межкультурного взаимодействия между народами по разные стороны границы.

Эти представления, определяемые нами как ментальные конструкции, содержащие мифологические образы Китая и китайцев, являются предметом предприняемого здесь исследования. Задача исследования – необходимость ответа на вопрос о факторах, влияющих на то, почему население Забайкалья воспринимает Китай в образе, который отличается от того, каким Китай предстаёт перед самими китайцами и каким Китай видится из европейской части России. При первом приближении ответ

обнаруживается в констатации факта, что население, проживающее на территории Забайкалья, имеет возможность взаимодействовать как с российской, так и с китайской культурой в повседневности и быту. В менталитете этого населения существуют традиции мировосприятия, в которых фиксируется связь с китайскими архетипами [12, с. 7].

Проводя анализ менталитета, мы соглашаемся с тем, что под этим понятием понимают сложившуюся социальную психологию и систему ценностей, выступающую характеристикой своеобразия отдельных индивидов, социальных, этнических и региональных групп [6, с. 56]. Важнейшей функцией менталитета признаётся восприятие образа себя и других народов, проявляющееся в легендах и мифах, в содержании которых воплощаются представления о «Я» как о высокоорганизованной, отличающейся позитивными характеристиками общности людей, понимаемых как «Свои». Как правило, такие общности находятся в окружении групп, понимаемых, как «Чужие», и в каких-то случаях, как «не-люди». Действие описанных выше функций в науке связывается с мифологическим мышлением, для которого характерны такие операции, как перенос и отождествление по-разному мыслимых содержаний или образов. Таким образом, при некотором совпадении смыслового поля между терминами «образ» и «миф» имеется существенная разница, которая выражается в наличии у мифа вербальной, эмоционально и ценностно-окрашенной формы, функциональное значение которой состоит в призыве к социальному действию [14, с. 35].

Менталитет российского населения, проживающего в трансграничном пространстве России и Китая, формируется под влиянием условий бытования, культурных контактов, а также опыта, позволяющего по-особенному интерпретировать те или иные события, делать прогнозы, планировать свои дальнейшие действия. Среди

факторов, которые определяют содержание процессов мифотворчества о Китае в Забайкалье, выделяется геополитический, оказывающий влияние не только на политику и экономику, но и формирующий мировоззренческие параметры сознания населения, проживающего здесь. Одним из главных геополитических атрибутов этих территорий является наличие границы. Социокультурное значение границы состоит в том, чтобы конституировать пространство, которое считается своим с тем, чтобы оно стало основанием для социокультурной идентификации, строящейся на противопоставлении с населением, находящимся за границей [21]. Межгосударственная и культурная граница, разделяющая миры народов Забайкалья и Китая, играет важную роль в процессах информационного обмена и приводит к формированию неповторимого регионального мифологического пространства. Говоря о механизмах формирования мифов о Китае в контексте влияния китайской границы, надо отметить, что она создаёт два аспекта видения Китая, один – «наблюдаемый», другой – «перспективный» («заграничный»). Встреча двух миров делит мир человека, проживающего в зоне китайского трансграничья, на два полюса, один из которых маркирует мир обыденный, являющийся жизненной реальностью населения Забайкалья. На другом полюсе помещён Китай. Его атрибутом является таинство образа, находящегося за пределами границы, которая становится важнейшим элементом, характеризующим пространство Китая.

Специфика этого элемента заключается в его дуалистической природе, с одной стороны граница – это естественный разделитель различных культур, с другой – это инструмент, который соединяет с непознанным. В статье Н. П. Рыжовой, посвящённой анализу развития трансграничных с Китаем регионов, говорится о влиянии на них границы [22, с. 40]. Исследователь показывает, что после открытия границы в течение последних лет благодаря тому, что была либерализована внешнеэкономическая деятельность, появилась маятниковая миграция, началось проникновение китайского капитала, в контактной зоне трансграничья сформировалось особое пространство, имеющее специфические культурные и религиозные характеристики. Причиной этого,

согласно Ю. М. Лотману, является особое свойство границы, разбивающей жизненный мир человека на «свой» («внутренний») и «чужой» («внешний»), которое является фактором формирования культуры и религии [16, с. 483].

Пограничная реальность с Китаем в контексте этой методологии может быть рассмотрена как экзистенция «мифов о Китае», питающихся той тайной, которая находится за границей. Инициатива мифотворчества о Китае в данном случае исходит от противоречия, которое заключается, с одной стороны, в наличии тайны о Китае, находящейся за границей, а с другой – в проблеме, которую составляет появление китайцев по эту сторону границы. Попытка за счёт рационализации разрешить это противоречие неизменно приводит к проявлению мифотворчества. Образно говоря, люди часто пытаются дать объяснение чему-то не поддающемуся ни рациональному объяснению, ни верификации, при этом они осознанно или неосознанно используют мифотворчество. Таким образом, на территории приграничного Забайкалья распространена ментальность, атрибутом которой является мифотворчество о Китае.

Второй по важности фактор, влияющий на процессы возникновения мифов о Китае в Забайкалье, – это использование языка, который не является инструментом, идеально передающим содержание описываемых людьми объектов. В языке смешивается сознательное и бессознательное, действительное и желаемое, очевидное и скрываемое. Ещё Э. Тэйлор был уверен в том, что, несмотря на различие в сказаниях о себе, разные народы живут по одним и тем же законам и выполняют одни и те же задачи, связанные с безопасностью, продолжением рода, достижением благоденствия. А. Маслоу сформулировал модель, описывающую с универсалистских позиций базовые потребности людей, в которых нет этнической специфики [18, с. 64]. Имеющиеся различия в мифологических описаниях, в контексте его теории, объясняются тем, что люди по-разному описывают себя и своё бытие.

В данном исследовании понятие «миф» используется в рамках трактовок, даваемых в трудах Ф. Боаса, Э. Кассирера, Б. Малиновского, Л. Леви-Брюля, К. Леви-Стросса, М. Элиаде [26], которые рассматрива-

ли миф в качестве инструмента передачи информации и семиотической структуры, воплощающей в себе смыслы, связанные с архетипическими чертами человеческого мировосприятия. Изучать региональную мифологическую систему метаязыка, в котором языковые знаки рассматриваются как формы построения мифа на примере распространения мифотворчества о Китае в Забайкалье, позволяет методология Р. Барта [4].

Примером такого мифологизма является языковая форма, характеризующая процессы межкультурного взаимодействия русских Забайкалья с китайской цивилизацией. Многие исследователи отмечают, что, несмотря на то, что народы, проживающие в Забайкалье, долго и интенсивно взаимодействовали с китайской культурой, в их языках оказалось очень мало китайских слов. Причиной этого оказывается высокая степень цивилизованности китайцев, всегда стремящихся учить языки и обычаи населения, с которым им приходилось вступать в контакт. Они обеспечивали себя максимально достоверной информацией о партнёрах по межэтническому общению, которые, не утруждая себя усилиями по освоению китайского, использовали мифологические формы своего родного языка. Одной из наиболее распространённых таких форм является русский термин «Китай», который не имеет отношения ни к китайскому государству, ни к проживающему в нём народу, а произошёл от русскоязычной огласовки этнонима «кидане», самоназвания некитайской народности, некогда населявшей северо-восточную часть страны [11, с. 27].

Общение с китайцами на русском вне попыток понять китайскую речь вело к искажениям в переводе и интерпретации, что становилось одной из причин развития мифотворчества. Подтверждая это, о своём китайском опыте русский поэт-эмигрант П. А. Северный писал: «Узнавалось всё медленно, до многого приходилось додумываться из-за незнания языка со множественством провинциальных наречий» [2, с. 9]. Ещё один яркий пример, символизирующий влияние данного фактора на мифологизацию представлений о Китае, представлен историей о «китайской грамоте», которую привезло в Россию из Китая посольство казака И. Петлина в 1619 г. В тексте указанной

грамоты император Чжу Ицзюнь разрешил русским присылать посольства и вести торговлю с Китаем, однако русские, не знавшие китайский язык, не утруждали себя переводом и десятки лет хранили грамоту в посольском приказе. Через много лет посол Н. Спафарий перевёл её, но нерешаемость загадки этого документа в течение длительного периода привела к появлению устойчивого языкового выражения о «китайской грамоте», которое стало самостоятельной мифологемой [9, с. 15].

Третьим фактором, оказывающим влияние на проникновение образов Китая в Забайкалье, является, процесс исторической трансформации представлений о том, как воспринималась роль Китая в истории Забайкалья. Одной из наиболее ранних стадий формирования мифологических представлений о Китае был бронзовый век, когда территории региона как отдельная историко-культурная область включились в процесс развития цивилизации Центральной Азии [20, с. 186]. Племена тунгусо-, тюрко-, монголо-язычных кочевников входят в контакт с китайцами, после чего начинается процесс обмена и заимствований различными элементами культуры, в том числе мифологическими идеями и образами. Среди них наиболее заметны две идеи, распространение которых связано с диффузией, имеющей место между китайскими и центральноазиатскими территориями. Одна из них содержит мифы, повествующие о поклонении Небу, представляемому императором, который воспринимается как сын Неба. Другая идея, связанная с Китаем, имеет более позднее происхождение и имеет отношение к тибетскому буддизму, который был поддержан маньчжурским правительством. Распространявшие тибетский вариант буддизма ламы-священники в XVII в. большое внимание уделяли поклонению культу природных сил, локальным духам и духам предков, сопровождая свою проповедь активным мифотворчеством о культу ртрегерской роли маньчжур [1, с. 2].

Начиная с XVII в., важнейшим фактором, который стал определять протекание процессов рецепции образов Китая и китайцев у населения Забайкалья, явилось появление русских, дальнейшая колонизация региона и его присоединение к России [15, с. 90]. Как крупное имперское многонациональное государство, оно не могло не обла-

дать общегосударственным мифом, способным не только к объединению различных этнических групп в единое целое, но и к выполнению роли идеологического инструмента в процессах взаимодействия с народами соседних государств. Как отмечает Н. А. Самойлов, мифологизация образа «Святой Руси» как центра обширного «православного мира» предусматривала стремление русских к мировому единству. Мифологическая концепция, согласно которой Россия является «Третьим Римом», способствовала распространению мессианских настроений у русских по отношению к населению колонизуемых территорий [23, с. 18].

Мифологический контекст, возникающий на фундаменте принципиально разнящегося подхода к оценке друг друга, с самого начала сопровождал отношения между Китаем и Россией. Представители разнообразных этнических групп, которые по разным причинам оказывались на территории Забайкалья, соприкасались с мировоззренческими представлениями, в состав которых входили как мифологемы, имеющие происхождение на территории Китая, так и мифологемы, посвящённые Китаю, но сконструированные на российской стороне. Эти процессы приводили к тому, что, несмотря на существенные различия в происхождении, находящиеся в одинаковых условиях перед необходимостью совместного выживания представители разных народов формировали целостность, основанную на определённом единстве смешивающихся мировоззренческих систем. В основе указанного объединения находилась общность народов Забайкалья, как россиян, на фоне чего выделялась одна группа, которая находилась на этой территории, но понималась всеми иными как «Чужая», – это китайцы [19, с. 175].

В течение советского периода резко изменилась структура мифологического пространства трансграничья. Это объяснялось тем, что в связи с распространением модернистских идей в это время здесь разворачиваются процессы секуляризации и демифологизации регионального общества. В постсоветский период на развитие упомянутых процессов в регионе стало влиять взаимодействие между российской, китайской и глобализирующейся культурами. Одним из следствий этого взаимодействия является проявляющийся у многих кризис

национальной и культурной идентичности, сопровождающийся отказом от традиционных мировоззренческих ценностей и поиском новых ориентиров. Ценности, предлагаемые Китаем, одной из ведущих мировых цивилизаций, обладающей богатыми традициями культурной, религиозной, экономической жизни, здесь занимают заметное место [5, с. 245].

С другой стороны, с конца XX в. на территории региона стало ощущаться опасение в отношении Китая, которое связано с усилением его экономического и демографического присутствия. Оно самым существенным, но неоднозначным образом повлияло на сферу межкультурных коммуникаций. Как отметил А. Г. Ларин, в связи с проникновением китайцев на территории, всё больше выпадающие из сферы российских интересов, россияне, проживающие на них, по преимуществу проявляют обеспокоенность [13, с. 345]. Это приводит к всплеску мифотворческой активности вокруг Китая, его культуры, этнических представителей.

В современной практике формированию мифов о Китае способствуют деловые и туристические поездки в Китай, влияние оказывает активизация масс-медиа, распространение видеопродукции, в которой показывается китайская экзотика. Россияне узнают о Китае благодаря тому, что имеют возможность на бытовом уровне сопоставлять знаковые системы китайской и российской культур, такие как ритуалы, архитектура, кухня, язык. Даже это бытовое сравнение показывает, насколько велика разница между тем, как русские и китайцы оценивают одни и те же явления. Наиболее яркий пример этой разницы демонстрирует восприятие государства, которое для китайцев олицетворяет идеал родовой структуры и образец религиозной жизни, где административные документы играют роль священных скрижалей богов [24, с. 109]. В то же время в восприятии русских государство – это свирепый и неуклюжий медведь, который двигает невероятно опасную, громоздкую и совершенно неэффективную для человека машину.

Как следствие мировоззренческой разницы на российской стороне распространены такие мифы о Китае, в которых эта страна воспринимается через призму обыденности у сограждан, оценивающих своё

жизненное пространство как то, что является привычно-повседневным, а реальность, связанную с жизненным миром Китая, как нечто обладающее особенными характеристиками в силу того, что находится по другую сторону границы. Миф о Китае воспринимается нашими согражданами как отображение жизни обитателей потустороннего мира. Эта картина рисуется с одной стороны, как искажённое отражение жизненной реальности, окружающей россиян, с другой, она формируется на основе обращения к вымыслу и фантазии, привлечение которых становится необходимым действием в процессе осмысления сущности китайской культуры и китайцев по причине их пограничности и относительной закрытости [8, с. 7].

При этом, учитывая, что определение их окончательного значения находится в зависимости от субъективных убеждений носителей массового сознания, то на территории приграничного с Китаем Забайкальского края необходимо констатировать наличие общественного дискурса, посвящённого Китаю. Понятие общественного «дискурса о Китае» очень важно для этой работы, так как оно используется в значении совокупности речевых действий, в которых участвуют социокультурные, мифологические, научные, политико-идеологические объекты и субъекты, связанные с Китаем в рамках трансграничного социокультурного пространства.

Сам термин «дискурс» мы употребляем в рамках ставшего классическим понимания, предложенного французскими философами-постмодернистами: Р. Бартом, Ж. Деррида и М. Фуко, согласно мнению которых, под дискурсом имеется в виду «практика, которая систематически формирует объекты, о которых он (дискурс) говорит». Дискурс – это не просто совокупность знаков или означающих элементов, а «событие знака», «внешнее пространство, в котором размещается сеть различных мест» [25]. Наиболее яркой чертой современного дискурса о Китае на территории Забайкальского края является то, что он связан с внедрением практик конструирования мифов в процессы социокультурного взаимодействия. Конструирование происходит в разных дискурсивных плоскостях – политической, религиозной, исторической, социокультурной, что создаёт особый семиотический контекст

для повествований об этой стране. При этом в последние годы миф о Китае усиливает позиции в процессах конструирования новой социокультурной реальности посредством СМИ [17, с. 8]. Особенно актуальной эта мысль становится, когда речь идёт о мифологическом пространстве трансграничного региона, находящегося у границ Китая и России, население которого потребляет информацию, сформированную в контексте процессов коммуникации, основанной на принципах «Свой» – «Иной», то есть «Российский» и «Китайский». В современных теоретических разработках, посвящённых роли информации в политическом дискурсе, отмечается, что проходящий в таких условиях диалог имеет две возможности для развития. В зависимости от того, как понимается роль «Иного», то есть «Китая», она может разворачиваться в одном случае как «Свой» – «Чужой», в другом – «Свой» – «Другой».

Очевидно, что если государство стремится выполнять заметную роль в международной жизни, оно должно иметь взвешенную внешнюю информационную политику, направленную на продвижение своих целей и создание образа в массовом сознании населения соседних территорий. В этом случае наиболее благоприятным вариантом для него становится сценарий, в котором оно предстаёт перед инокультурной аудиторией в контексте дихотомии «Свой» – «Другой», так как именно эта позиция позволяет беспрепятственно доводить до реципиента потоки информации. Именно в этом направлении пытается действовать Китай по отношению к населению современного российско-китайского трансграничья [10, с. 83]. При этом если изучение образов Китая в процессе межкультурной коммуникации проводится относительно давно, то механизмы конструирования и распространения мифологических смыслов и эффектов, связанных с ними, всё ещё остаются неизученным направлением. Изучение мифотворческой политики Китая в трансграничном социокультурном пространстве является актуальным в контексте распространения новых возможностей, связанных с распространением глобализации, вестернизации и виртуализации современных информационных технологий, способствующих успешному внедрению идей и образов в массовое народное сознание.

Выводы:

1. Забайкальский край, входящий в зону трансграничья России и Китая, представляет собой территорию, на которой разворачиваются процессы культурного и идейного взаимодействия между народами, обладающими разным менталитетом. Принадлежность к России с её ориентацией на культуру и язык Европы и близость к Китаю, экономическое и культурное влияние которого в Центральной Азии является преобладающим, приводит население Забайкалья не только к ряду культурных заимствований, но и является основанием для распространения здесь значительного количества мифологических образов Китая.

2. Одной причиной мифологизации образа Китая на территории трансграничья является стремление «некитайского» населения, находящегося в контакте с китайцами, осмыслить свою идентичность, понимаемую как «Своя», и утвердить отличие от соседей, понимаемых как «Чужие». Другая

причина заключается в том, что Китай обладает специфической культурой, придающей особый мифологический характер явлениям, которые своим происхождением обязаны Китаю. Многообразие и своеобразие китайской культуры является одним из факторов, влияющих на то, что мифологические образы Китая широко распространены на территории Забайкальского края.

3. В рамках данного подхода под образом Китая понимается совокупность дискурсивных практик, посвящённых Китаю и распространённых среди населения Забайкальского края. По нашему мнению, «Китай» (также как и «китайцы») в жизненном измерении региона является ничем иным, как образом, идеей Китая (или китайцев), то есть мыслительным конструктом, который описывает ментальную единицу, не являющуюся китайским государством, но обладающую чертами, которые ассоциируются населением Забайкалья с Китаем.

Список литературы

1. Абаев Н. В. Генезис монгольской государственности в свете теории самоорганизации и тенгрианской философии // Их Хуралд оролцогсдын анхааралд. Улан Баатор, 2006. С. 1–2.
2. Агафонов А. О творчестве Павла Северного. Штрихи к портрету // Ледяной смех / П. А. Северный. М.: Подольск: Академия-XXI, 2007. 399 с.
3. Атанов Н. И. Приоритетные сферы регионального и трансграничного сотрудничества России, Монголии и Китая // Теоретико-методологическое осмысление феномена трансграничья, региональная экономика, международное сотрудничество. Чита, 2006. С. 257–259.
4. Барт Р. Введение в структурный анализ повествовательных текстов // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX–XX вв.: трактаты, статьи, эссе. М.: МГУ, 1987. С. 387–422.
5. Бертронг Д. Мудрецы и бессмертные. Религии Китая // Религии мира: справ. религий. Минск: Белфакс, 1994. С. 245–247.
6. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция. Тула: Тульский полиграфист, 2013. 204 с.
7. Бянкина А. М. Федеральная концепция в развитии приграничного сотрудничества: значение для субъектов Российской Федерации // Актуальные проблемы развития КНР в процессе её регионализации и глобализации. Чита: ЗабГУ, 2015. С. 52–58.
8. Вернер Э. Мифы и легенды Китая. М.: Центрполиграф. 2007. 400 с.
9. Демидова Н.Ф., Мясников В.С. Русско-китайские отношения в XVII веке: материалы и документы. 1608–1683. М.: Наука, 1969. Т. 1. 613 с.
10. Евдокимов Е. Политика Китая в глобальном информационном пространстве // Международные процессы. 2011. Т. 9, № 1. С. 74–83.
11. Желобцов Ф. Ф. Дунг-чжэн цзяо в поднебесной, или Вклад православия в установление российско-китайских отношений // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества. Благовещенск: БГПУ, 2012. С. 27–28.
12. Забияко А. П., Кобызов Р. А., Понкратова Л. А. Русские и китайцы: этномиграционные процессы на Дальнем Востоке. Благовещенск: АмГУ, 2009. 412 с.
13. Ларин А. Г. Китайские мигранты в России. М.: Вост. кн., 2009. 512 с.
14. Лобок А. М. Антропология мифа. Екатеринбург: БКИ, 1997. 686 с.
15. Логинов А. В. Религиозная ситуация в России и принятие закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» // Политика. М., 1997–1998. № 4. С. 85–94.
16. Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб.: Искусство-СПб, 2000. 704 с.
17. Луман Н. Реальность массмедиа / пер. с нем. А. Ю. Антоновского. М.: Праксис, 2005. 256 с.
18. Маслоу А. Х. Мотивация и личность. СПб.: Евразия, 1999. 478 с.

19. Мельницкая С. А. Менталитет социокультурных общностей Забайкалья: на примере Читинской области: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.13. Чита, 2006. 198 с.
20. Михайлов Т. М. Взаимодействие этносов и культур в Байкальской Азии: история и современность // Аборигены Сибири: проблемы изучения исчезающих языков и культур. Новосибирск, 1995. Т. 2. С. 182–186.
21. Морозова В.С. Этнокультурный ландшафт российско-китайского приграничья как пространство сосредоточия и выражения региональной культуры [Электронный ресурс] // Современные проблемы науки и образования. 2012. № 6. Режим доступа: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=7960> (дата обращения: 18.02.2016).
22. Рыжова Н. П. Эффекты международной интеграции на региональном уровне (на примере России и Китая): дис. ... д-ра экон. наук: 08.00.05. Хабаровск, 2013. 275 с.
23. Самойлов Н. А. Россия и Китай в XVII – начале XX века: тенденции, формы и стадии социокультурного взаимодействия: автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.03. СПб., 2012. 35 с.
24. Тарасова Е. А. Феномен «власть» в культуре древнего Китая // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре гос. техн. ун-та. 2010. № 4. С. 106–110.
25. Фуко М. Слова и вещи: археология гуманитарных наук. СПб.: А-сэд, 1994. 405 с.
26. Элиаде М. Мифы, сновидения, мистерии. М.: Рефл-бук; Киев: Ваклер, 1996. 288 с.

References

1. Abaev N. V. Genezis mongol'skoi gosudarstvennosti v svete teorii samoorganizatsii i tengrianskoi filosofii // Ikh Khurald oroltsogsdyn ankhhaarald. Ulan Baator, 2006. S. 1–2.
2. Agafonov A. O tvorchestve Pavla Severnogo. Shtrikhi k portretu // Ledyanoi smekh / P. A. Severnyi. M.: Podol'sk: Akademiya-XXI, 2007. 399 s.
3. Atanov N. I. Prioritetnye sfery regional'nogo i transgranichnogo sotrudnichestva Rossii, Mongolii i Kitaya // Teoretiko-metodologicheskoe osmyslenie fenomena transgranich'ya, regional'naya ekonomika, mezhdunarodnoe sotrudnichestvo. Chita, 2006. S. 257–259.
4. Bart R. Vvedenie v strukturnyi analiz povestvovatel'nykh tekstov // Zarubezhnaya estetika i teoriya literatury XIX–XX vv.: traktaty, stat'i, esse. M.: MGU, 1987. S. 387–422.
5. Bertrong D. Mudretsy i bessmertnye. Religii Kitaya // Religii mira: sprav. religii. Minsk: Belfaks, 1994. S. 245–247.
6. Bodriiyar Zh. Simulyakry i simulyatsiya. Tula: Tul'skii poligrafist, 2013. 204 s.
7. Byankina A. M. Federal'naya kontseptsiya v razvitii prigranichnogo sotrudnichestva: znachenie dlya sub"ektov Rossiiskoi Federatsii // Aktual'nye problemy razvitiya KNR v protsesse ee regionalizatsii i globalizatsii. Chita: ZabGU, 2015. S. 52–58.
8. Verner E. Mify i legendy Kitaya. M.: Tsentrpoligraf. 2007. 400 s.
9. Demidova N.F., Myasnikov V.S. Russko-kitaiskie otnosheniya v XVII veke: materialy i dokumenty. 1608–1683. M.: Nauka, 1969. T. 1. 613 s.
10. Evdokimov E. Politika Kitaya v global'nom informatsionnom prostranstve // Mezhdunarodnye protsessy. 2011. T. 9, № 1. S. 74–83.
11. Zhelobtsov F. F. Dung-chzhen tszyao v podnebesnoi, ili Vklad pravoslaviya v ustanovlenie rossiiskokitaiskikh otnoshenii // Rossiya i Kitai: istoriya i perspektivy sotrudnichestva. Blagoveshchensk: BGPU, 2012. S. 27–28.
12. Zabiako A. P., Kobyzov R. A., Ponkratova L. A. Russkie i kitaitsy: etnomigratsionnye protsessy na Dal'nem Vostoke. Blagoveshchensk: AmGU, 2009. 412 s.
13. Larin A. G. Kitaiskie migranty v Rossii. M.: Vost. kn., 2009. 512 s.
14. Lobok A. M. Antropologiya mifa. Ekaterinburg: BKL, 1997. 686 s.
15. Loginov A. V. Religioznaya situatsiya v Rossii i prinyatie zakona «O svobode sovestim i o religioznykh ob"edineniyakh» // Politiya. M., 1997–1998. № 4. S. 85–94.
16. Lotman Yu. M. Semiosfera. SPb.: Iskusstvo-SPb, 2000. 704 s.
17. Luman N. Real'nost' massmedia / per. s nem. A. Yu. Antonovskogo. M.: Praxis, 2005. 256 s.
18. Maslou A. Kh. Motivatsiya i lichnost'. SPb.: Evraziya, 1999. 478 s.
19. Mel'nitskaya S. A. Mentalitet sotsiokul'turnykh obshchnostei Zabaikal'ya: na primere Chitinskoi oblasti: dis. ... kand. filoz. nauk: 09.00.13. Chita, 2006. 198 s.
20. Mikhailov T. M. Vzaimodeistvie etnosov i kul'tur v Baikal'skoi Azii: istoriya i sovremennost' // Aборигены Сибири: проблемы изучения исчезающих языков и культур. Новосибирск, 1995. Т. 2. С. 182–186.
21. Morozova V.S. Etnokul'turnyi landshaft rossiisko-kitaiskogo prigranich'ya kak prostranstvo sosredotochiya i vyrazheniya regional'noi kul'tury [Elektronnyi resurs] // Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya. 2012. № 6. Rezhim dostupa: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=7960> (data obrashcheniya: 18.02.2016).

22. Ryzhova N. P. Effekty mezhdunarodnoi integratsii na regional'nom urovne (na primere Rossii i Kitaya): dis. ... d-ra ekon. nauk: 08.00.05. Khabarovsk, 2013. 275 s.
23. Samoilov N. A. Rossiya i Kitai v XVII – nachale KhKh veka: tendentsii, formy i stadii sotsiokul'turnogo vzaimodeistviya: avtoref. dis. ... d-ra ist. nauk: 07.00.03. SPb., 2012. 35 s.
24. Tarasova E. A. Fenomen «vlast'» v kul'ture drevnego Kitaya // Uchenye zapiski Komsomol'skogo-na-Amure gos. tekhn. un-ta. 2010. № 4. S. 106–110.
25. Fuko M. Slova i veshchi: arkhologiya gumanitarnykh nauk. SPb.: A-cad, 1994. 405 s.
26. Eliade M. Mify, snovideniya, misterii. M.: Refl-buk; Kiev: Vakler, 1996. 288 s.

Библиографическое описание статьи

Кононов С. В. Мифотворчество как семиотический элемент дискурса о Китае в Забайкальском крае: теоретические аспекты // Ученые записки ЗабГУ. Сер. Философия. Культурология. Социология. Социальная работа. 2016. Т. 11, № 3. С. 110–118.

Reference to the article

Kononov S. V. Mythmaking as a Semiotic Element of Discourse about China in Transbaikal Region: Theoretical Aspects // Scholarly Notes of Transbaikal State University. Series Philosophy. Cultural Studies. Sociology. Social Work. 2016. Vol. 11, No. 2. PP. 110–118.

Статья поступила в редакцию 05.03.2016